

М.А. Ядова

**МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ТЕНДЕНЦИИ ВЗРОСЛЕНИЯ**

Аннотация. В статье анализируются проблемы взросления в эпоху поздней современности. Особое внимание уделяется таким ключевым факторам этого процесса, как: удлинение границ молодости, нелинейность и диверсификация жизненных траекторий молодежи. Также рассматриваются особенности синдрома кидалтизма как нового социокультурного феномена.

Ключевые слова: молодежь, взросление, эпоха поздней современности, жизненные траектории, кидалт.

**Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук,
заведующая отделом социологии и социальной психологии
Института научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН). E-mail: m.yadova@mail.ru**

M.A. Yadova. Youth in the Contemporary World: Trends of Growing Up

Abstract. The article analyzes problems of growing up in the postmodern era. Special attention is given to such key parameters of the given process as prolongation of the limits of youth, nonlinearity and diversification of young people's life trajectories. The paper also considers specific features of kidultism syndrome as a new sociocultural phenomenon.

Keywords: youth, trends of growing up, late modernity, life trajectories, kidult.

**Yadova Maya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Department of Sociology and Social Psychology
of the Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
E-mail: m.yadova@mail.ru**

Ключевым понятием, приближающим исследователей к категории «молодежь», является возраст. Однако необходимо признать, что любые возрастные границы достаточно условны и, как правило, социально обусловлены. Например, во времена Цицерона молодостью считался возраст от 17 до 46 лет,

а старость начиналась с 60 лет [2, с. 111]; у первобытных народов Сибири дети выросли очень рано, к 10–12 годам овладевая «техникой обиходных работ – стрельбой из лука, греблей, рыболовством» и «становясь практически равноправными работниками» [4].

Нижняя граница молодежного возраста, как правило, связана со временем полового созревания, окончания школы, начала профессионального обучения, а верхняя – с юридическим совершеннолетием, завершением профессионального обучения, вступлением в брак, достижением экономической независимости, высокого профессионального уровня и личностной зрелости [7, с. 15]. Поскольку эти процессы завершаются в разные периоды времени, хронологические рамки молодости могут существенно варьировать. В современном мире нижняя возрастная граница молодости обычно устанавливается на уровне 14–16 лет, верхняя – охватывает период между 25 и 35 годами.

Существует множество определений молодежи. Прежде всего исследователей разделяют различные подходы к предмету изучения – с позиции социологии, педагогики, психологии, истории, политологии, социальной антропологии и т.п. В социологии под молодежью принято понимать «социально-демографическую группу, выделяемую на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств» [3].

Социология молодежи как самостоятельная отрасль социального знания в нашей стране и за рубежом возникла во второй половине прошлого века и институционально оформилась к 1970-м годам. Социологи первыми среди обществоведов увидели в молодежи особую социальную группу с присущими только ей чертами, ценностями и нормами. Кроме того, они заговорили о специфических молодежных проблемах и их причинах.

Интерес исследователей к молодежной теме неразрывно связан с процессом социальной модернизации. В традиционных обществах, где, по словам американского антрополога М. Мид, «прошлое взрослых оказывает влияние на будущее каждого нового поколения» [6, с. 322], о выделении особого положения молодежи не могло идти и речи. После успешного освоения необходимых для полноценной жизни навыков вчерашние дети наделялись социальным статусом взрослого равноправного члена общины. Тогда как в эпоху поздней современности существует множество факторов, осложняющих процесс взросления: нестабильная ситуация на рынке труда, расширение возможностей получения образования, трудности, связанные с приобретением жилья и т.п.

Несмотря на то что на Западе и в СССР внимание к «молодежному вопросу» было обусловлено схожими причинами, подходы к этой теме в обоих «мирах» заметно различались. Впрочем, это неудивительно, если учесть, что советские и западные молодежные концепции «развивались внутри практически не пересекающихся дискурсов» [8, с. 25]. Единственным объединяющим

эти дискурсы фактором было «объектно-эксплуататорское» [8, с. 25] отношение к молодежи со стороны тогдашнего исследовательского сообщества. Кратко рассмотрим различия так называемых советского и западного подходов.

Широко распространенные на Западе теории субкультуры и контркультуры были своеобразным ответом ученых на моральную панику добропорядочных обывателей, встревоженных проявлениями различных форм молодежной культуры [8, с. 18]. Долгое время западных социологов отличал однобокий – «проблематизированный» – взгляд на молодежь: в своих работах они уделяли особое внимание молодежным девиациям и другим «опасностям», исходящим от представителей новых поколений [15; 16]. В итоге стремление изучать только «проблемную» молодежь привело к тому, что вне исследовательского интереса оказалось большинство молодых людей, чье поведение не выходило за рамки закона и не нарушало общепринятых нравственных устоев. Советские социологи, напротив, фокусировались преимущественно на социально одобряемой деятельности молодежи, воспринимая юношей и девушек как потенциальных созидателей «светлого будущего и строителей коммунизма» [8, с. 25]. Характерная для советского общества цензура, создавая многочисленные информационные барьеры, делала сложным, а подчас и невозможным, серьезное исследование действительно проблемных сторон жизни советской молодежи. К тому же, по словам российского социолога Е.Л. Омельченко, западные теории в большинстве своем выросли из биосоциальных, психологических и культурологических концепций развития личности, а советские базировались на доктрине «марксистско-ленинской идеологии» [там же].

Сегодня различия между отечественными и западными подходами постепенно сглаживаются. Очевидно, что такое сближение – результат сходных процессов, происходящих во многих странах мира. Реалии современной жизни заставляют социологов пересмотреть привычные «объективированные» концепции и увидеть в молодых людях полноправных социальных акторов, способных на качественное преобразование окружающей реальности. Причем некоторые исследователи призывают рассматривать индивида в качестве самостоятельного субъекта уже с детства [20; 21].

В эпоху Постмодерна привычные взгляды о едином, унифицированном пути социального развития сменяются представлениями о его неопределенности и вариативности. Стремительно меняющиеся социальные реалии и усиление процессов «хаотизации» общественного порядка позволяют говорить об особых тенденциях взросления сегодня.

По словам психолога К.Н. Поливановой, среда развития, в которой происходит становление современного человека, находится под влиянием следующих общемировых процессов [9].

1. Экономическая глобализация (транснациональность капитала, иностранные инвестиции, дерегуляция рынков труда, управления, либерализация торговли, появление электронных денег).

2. Политическая (демократизация, открытие и закрытие границ, всевозможные формы трудовой миграции, рост разного рода политических движений, в том числе неолиберализм, правые движения, фундаментализм).

3. Культурная (вестернизация, обретение английским языком статуса универсального языка, распространение поп-культуры).

4. Коммуникационная (усиление роли массмедиа, Интернета, появление возможности моментально связаться с необходимой персоной, прямые включения, увеличение скорости передвижения по миру).

Сегодня происходит сложная трансформация социокультурных пространств, которые еще несколько десятилетий назад казались незыблемыми. Среди этих изменений выделяют экономическую нестабильность, сужение вертикально-иерархических способов управления, распространение информационных технологий, ориентацию на индивидуализацию [9].

Как правило, в западной социологической литературе в числе основных факторов, сопровождающих процесс взросления современной молодежи, выделяют следующие: удлинение периода юности, нелинейность и разнообразие вариантов жизненных «сценариев», определенная цикличность происходящих в жизни индивида событий [11; 12; 14].

Из-за характерных для современных обществ длительного периода обучения, экономической нестабильности молодые люди откладывают на более поздний срок момент начала профессиональной деятельности, создание семьи и рождение детей. Нередко обретение молодежью финансовой и жилищной самостоятельности становится затяжным и мучительным процессом. Нелинейный характер жизни приводит к нарушениям в очередности этапов, свойственных традиционной модели взросления: получение образования – работа – достижение материальной независимости – создание семьи [22; 10]. Зачастую юноши и девушки совмещают либо чередуют учебу и работу; нередко случаи, когда повзрослевший сын или дочь возвращается в отчий дом после нескольких лет самостоятельной жизни либо создает семью, будучи экономически зависимым от старших родственников. Тенденция цикличности подразумевает повторение событий, уже имевших место в жизни молодого человека (например, неоднократные «возвращения» в статус студента, периодические изменения – не всегда официальные – семейного положения) [23]. Наконец, в условиях социальной неопределенности особую актуальность приобретает вопрос индивидуализации образа жизни и принципиальной открытости выбора жизненного пути. По мнению ученых, современное общество не предлагает молодежи готовых социальных сценариев, вынуждая их «создавать свои собственные биографии и идентичности» [5, с. 37].

Ряд исследователей считает, что паттерны взросления зависят не только от социально-культурных особенностей и традиций той или иной страны, но и от свойственных этим государствам режимов социального обеспечения [13; 19; 23; 24].

Так, в Северной Европе с ее мощной системой социальной защиты населения поощряется длительный поиск себя. Молодые жители континентальной Европы с юности стремятся к получению достойного образования и стабильной карьере: их жизненные траектории достаточно линейны и предсказуемы. В либеральных англосаксонских странах юноши и девушки ориентированы на интенсивную трудовую деятельность, что предполагает раннее отделение от родителей. Вместе с тем в страдающих от безработицы и слабости социальной политики государствах Южной Европы молодежь очень долго нуждается в поддержке родителей, с трудом накапливая необходимые для самостоятельной жизни ресурсы [23, р. 41–42].

Примечательно, что, по результатам исследований отечественных социологов, процесс взросления российской молодежи обнаруживает схожие тенденции. Начиная с 90-х годов, выявляется «существенное обновление общей траекторной картины процесса социализации молодежи» [1, с. 115]. В жизненных траекториях молодежи «проявляются ... преждевременное или запаздывающее освоение социальных норм и культурных ценностей, обретение социальных ролей, а также затяжные кризисы социализации в молодежном возрасте, для которой рассогласовываются пути, сроки и способы становления» [там же].

Помимо этого, для современного мира характерна ориентация на «вечную молодость», которая охватывает все сферы жизни социума, формируя инфантильный этос поведения. В целом темпы «омоложения» человечества таковы, что еще в 2003 г. Национальная академия наук США предложила считать 30-летний возраст временем окончания подросткового периода в жизни среднестатистического человека, а, по мнению экспертов Американского общества подросткового здоровья и медицины, по-настоящему взрослым человек становится лишь после 34 лет [17].

По словам украинского социального психолога М. Дворник, постмодернистская реальность формирует особый тип личности – кидалта [18]. Словом «кидалт» (от англ. *kid* – ребенок и *adult* – взрослый) принято обозначать взрослого, сохраняющего детские увлечения. Впервые это понятие было употреблено в 1980-е годы обозревателем газеты «The New York Times» П. Мартином для описания мужчин старше 30 лет, на первый взгляд, вполне состоявшихся, но продолжающих получать удовольствие от детских игр, просмотра мультфильмов и пр. Кидалтам, отмечает М. Дворник, свойственны психологический и социальный инфантилизм, избегание ответственности, неприятие идентичности взрослого, а также высокий уровень суггестивности

и ориентация на анахроничное выстраивание собственной жизни. Бегство от биологического возраста – закономерный процесс в обществе потребления, где молодежный стиль жизни считается признаком успеха. В «невзрослеющем» социуме становится нормой желание одеваться в подростковые вещи, искать острых ощущений и не стремиться к стабильности ни в чем.

Не будет преувеличением сказать, что феномен кидалтизма – следствие дестандартизации «биографических маршрутов» современного человека. Еще несколько десятков лет назад вступление во взрослую жизнь традиционно связывалось с достижением финансовой самостоятельности, получением стабильной работы, браком и рождением детей. Однако гибкие условия постмодернистской реальности больше не вынуждают индивида «маркировать» свою жизнь многими атрибутами «взрослого» статуса. Эти обстоятельства, подчеркивает исследовательница, породили новое – ориентированное на игру – отношение к окружающему миру, что делает кидалта как особый тип *homo ludens* центральной фигурой постмодернистского пространства [18].

Подводя итоги, отметим, что социальные трансформации, сопровождающие XXI в., существенно усложнили и удлиннили период «транзита» от юности к взрослости. Жизнь в «обществе риска» значительным образом влияет на взгляды и поведение юношей и девушек, заставляя их выбирать наиболее эффективные стратегии адаптации к перманентной социальной нестабильности. В свою очередь стремительность происходящих изменений, необходимость преодоления глобальных угроз требуют от обществоведов выработки новых исследовательских подходов к изучению проблем современной молодежи, рисков и тенденций взросления.

Библиография

1. Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: Норма, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 109–115.
2. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. 351 с.
3. Кон И.С. Молодежь // Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 375.
4. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. URL: http://static.iea.ras.ru/books/Kon_psihologiya_yunosti.pdf (Дата обращения: 30.07.2018.)
5. Кузьминых В.Н. Жизненный путь в контексте эволюции социальной теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия «Социальные науки». Н.Н., 2008. Т. 4. № 12. С. 37–41.
6. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. М.: Наука, 1988. 429 с.
7. Молодежь России: Тенденции, перспективы / Под ред. И.М. Ильинского, А.В. Шаронова. М.: Молодая гвардия, 1993. 224 с.
8. Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004. 184 с.

9. Поливанова К.Н. Практики развития: Взросление в современном мире // Материалы научно-экспертного семинара «Новое детство». Портал психологических изданий PsyJournals.ru. 2012. URL: http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292_full.shtml (Дата обращения: 30.07.2018.)
10. Baizan P., Michielin F., Billari F.C. Political economy and life course patterns: The heterogeneity of occupational, family and household trajectories of young Spaniards // Demographic research. Norderstedt, 2002. Vol. 6. N 8. P. 190–240.
11. Bauman Z. Intimations of postmodernity. L.: Routledge, 1992. 264 p.
12. Beck U. Risk society: Towards a new modernity. L.: Sage, 1992. 260 p.
13. Blossfeld H.P., Klijzing E., Mills M., Kurz K. Globalization, uncertainty and youth in society. L., N.Y.: Routledge, 2005. 452 p.
14. Castells M. The rise of the network society. Malden, Mass.: Wiley-Blackwell, 2012. 597 p.
15. Cohen A.K. Delinquent boys: The culture of the gang. Glencoe (IL): Free press, 1955. 202 p.
16. Cohen A.K. Folk devils and moral panics: The creation of the Mods and Rockers. L.: Paladin, 1973. 224 p.
17. Danesi M. Forever young: The teen-aging of modern culture. Toronto: Univ. of Toronto press, 2003. 144 p.
18. Dvornyk M. Postmodern rejuvenation of grown-ups: Who are kidults? // Психологічні науки: Проблеми і здобутки: Зб. наук. пр. Київ, 2016. № 9. С. 56–71. URL: <http://lib.iitta.gov.ua/705695/1/Postmodern%20Rejuvenation%20of%20Grown-Ups%20Who%20Kidults%20Are.pdf> (Дата обращения: 30.07.2018.)
19. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge: Polity Press, 2015. 248 p.
20. James A., Jenks C., Prout A. Theorizing childhood. Oxford: Polity, 2015. 247 p.
21. Lee N. Childhood and society: Growing up in an age of uncertainty. Buckingham: OUP, 2001. 157 p.
22. Pollock G. Youth transitions: Debates over the social context of becoming an adult // Sociology compass. Oxford, 2008. Vol. 2. N 2. P. 467–484.
23. Serracant P. The impact of the economic crisis on youth trajectories: A case study from Southern Europe // Young. L., 2015. Vol. 23. N 1. P. 39–58.
24. Walther A. Regimes of youth transitions: Choice, flexibility and security in young peoples experiences across different European contexts // Young. L., 2006. Vol. 2. N 14. P. 119–139.

References

- Baizan P., Michielin F., Billari F.C. Political economy and life course patterns: The heterogeneity of occupational, family and household trajectories of young Spaniards // Demographic research. Norderstedt, 2002. Vol. 6. N 8. P. 190–240.
- Bauman Z. Intimations of postmodernity. L.: Routledge, 1992. 264 p.
- Beck U. Risk society: Towards a new modernity. L.: Sage, 1992. 260 p.
- Blossfeld H.P., Klijzing E., Mills M., Kurz K. Globalization, uncertainty and youth in society. L., N.Y.: Routledge, 2005. 452 p.
- Castells M. The rise of the network society. Malden, Mass.: Wiley-Blackwell, 2012. 597 p.
- Cohen A.K. Delinquent boys: The culture of the gang. Glencoe (IL): Free press, 1955. 202 p.
- Cohen A.K. Folk devils and moral panics: The creation of the Mods and Rockers. L.: Paladin, 1973. 224 p.

Danesi M. *Forever young: The teen-aging of modern culture*. Toronto: Univ. of Toronto press, 2003. 144 p.

Dvornyk M. Postmodern rejuvenation of grown-ups: Who are kidults? // *Psikhologichni nauki: Problemi i zdobutki: Zb. nauk. pr. Kiïv*, 2016. N 9. P. 56–71. URL: <http://lib.iitta.gov.ua/705695/1/Postmodern%20Rejuvenation%20of%20Grown-Ups%20Who%20Kidults%20Are.pdf> (Data obrashheniya: 30.07.2018.)

Esping-Andersen G. *The three worlds of welfare capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2015. 248 p.

James A., Jenks C., Prout A. *Theorizing childhood*. Oxford: Polity, 2015. 247 p.

Kovaleva A.I. Kontsepsiya sotsializatsii molodezhi: Norma, otkloneniya, sotsializatsionnaya traektoriya // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2003. N 1. P. 109–115.

Kovaleva A.I., Lukov V.A. *Sotsiologiya molodezhi: Teoreticheskie voprosy*. M.: Sotsium, 1999. 351 p.

Kon I.S. *Molodezh' // Filosofskij ehntsiklopedicheskij slovar'*. 2-e izd. M.: Sov. ehntsiklopediya, 1989. P. 375.

Kon I.S. *Psikhologiya rannej yunosti*. M.: Prosveshhenie, 1989. URL: http://static.iea.ras.ru/books/Kon_psihologiya_yunosti.pdf (Data obrashheniya: 30.07.2018.)

Kuz'minykh V.N. Zhiznennyj put' v kontekste ehvolyutsii sotsial'noj teorii // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo: Seriya «Sotsial'nye nauki»*. N.N., 2008. T. 4. N 12. P. 37–41.

Lee N. *Childhood and society: Growing up in an age of uncertainty*. Buckingham: OUP, 2001. 157 p.

Mid M. *Kul'tura i mir detstva: Izbrannye proizvedeniya*. M.: Nauka, 1988. 429 p.

Molodezh' Rossii: Tendentsii, perspektivy / Pod red. I.M. Il'inskogo, A.V. Sharonova. – M.: Molodaya gvardiya, 1993. 224 p.

Omel'chenko E.L. *Molodezh': Otkrytyj vopros*. Ul'yanovsk: Simbirskaya kniga, 2004. 184 p.

Polivanova K.N. *Praktiki razvitiya: Vzroslenie v sovremennom mire // Materialy nauchno-ehkspertnogo seminaru «Novoe detstvo»*. Portal psikhologicheskikh izdanij PsyJournals.ru. 2012. URL: http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292_full.shtml (Data obrashheniya: 30.07.2018.)

Pollock G. Youth transitions: Debates over the social context of becoming an adult // *Sociology compass*. Oxford, 2008. Vol. 2. N 2. P. 467–484.

Serracant P. The impact of the economic crisis on youth trajec-tories: A case study from Southern Europe // *Young. L.*, 2015. Vol. 23. N 1. P. 39–58.

Walther A. Regimes of youth transitions: Choice, flexibility and security in young peoples experiences across different European contexts // *Young. L.*, 2006. Vol. 2. N 14. P. 119–139.